

НОВОЕ ЗРЕНИЕ

На солнце, на птиц золотистых —
Ныряющих с облака щурок,
На полдень июльский лучистый
Смотрел я когда-то не щурясь.

Теперь и дымок горизонта,
И солнце, и полдень знакомый
Зовет мой прищур дальнорский,
С ладонью сойдясь козырьковой.

Зовет в этот час золоченый —
Все то, что тогда промелькнуло.
...И светятся желтые пчелы,
У щурок зажатые в клювах.

* * *

Пытался разобраться — да и бросил,
Садовая пустая голова...
Поэзия — чужая меж ремесел,
Зато — сестра родная мастерства!

Она, как тот факир, что из наитий,
Из паутинок улетевших лет
Выматывает сотни ярких нитей
И вяжет теплый ветер — или плед.

И за порывы детские не судит,
И в днях, где ни одной родной души,
Нам ссадины, склонясь, губами студит
И дует еле слышно на ушиб...

ЖРЕБИЙ

Стихами свой жребий оплакав,
Крючки виновато точу...
И тихо вздыхает Аксаков,
Похлопав меня по плечу.

И с мучкой гороховой манку
Мешаю на слабом огне...
— Ого! — удивляется Майков
Алхимии, ведомой мне...

Не веря ни стуже, ни зною,
Свое нетерпенье стужу:
То мелом, то пастой зубною
На блесны ажур навожу!

У Блока — мурашки по коже.
И Фетом не найдено слов...
И лишь с пародистом, похоже,
Делить мне придется улов!

Ведь, право, не взглянешь без смеха...
Но солнце блеснет на блесне —
И ласково щурится Чехов
Сквозь тонкий туманец пенсне...

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ТРАМВАЙ

Юному земляку

...Рискнешь — и вывезет кривая,
И время кинется вдогон...
Мемориального трамвая
Уже качается вагон!

Он — брат толкучки и музея:
Хоть всматривайся, хоть глазей.
Ты на меня, дружок, глядеешь —
Как на ходячий Колизей...

Как юный Аполлон изваян,
Ты, ясен пень, неоспорим...
А если я из тех развалин,
Что воплощают Третий Рим?

Смеешься? Да, ты прав, шуткую.
Ты прав почти во всем, но ты
Припомнишь ли строку такую:
«Сотри случайные черты»?

Своей морщиною люблюю —
Не отводи глаза, стой! —
Не вечер говорит с тобою,
А — утро... Утро жизни той,

Где в шею городское солнце
Прогнало мой ковыльный сон —
И я до улицы Кольцовской
Рекой перронной донесен.

И чертят путь мне до Чижовки —
Воронеж, молодость, вокзал...
И объявляет остановки
Судьба, читая по глазам.

Зовущие, не концевые,
Но всякий раз — помедлив миг.
...Мелькнет в окне «Девицкий выезд»,
И — «ЖИМ». Парк мертвых и живых.

Там цирк теперь, но, право слово,
Не к месту как пришелся он!
Им потревожен прах Кольцова —
И скорбь, и свет иных времен.

Здесь, дверь-гармошку отжимая,
Я на ходу хочу сойти...
Ты говоришь, что нет трамвая
Сто лет? Но нам-то — по пути?

Ведь думал ты: «Старик, ты бредишь!»,
Когда я помянул про Рим,
Но все равно — со мною едешь,
И мы с тобою говорим!

И там, где цирк, сойти мы сможем —
Что нам сюжет, в конце концов?
...И наземь полынок положим,
Где спят Никитин и Кольцов...

* * *

Пока к большой воде несусь
Бумажной радости кораблик,
Душа скитается в лесу,
Еще безлиственном, — как зяблик.

То примется порхать она,
То стихнет, вслушиваясь чутко...
Забыв, что ястребу видна
Зарей обрызганная грудка.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КУВАЕВА

*А теперь задайте себе вопрос:
почему вас не было
на тех тракторных санях
и не ваше лицо обжигал
морозный февральский ветер?*

Олег Куваев. «Территория»

Не сдавшись темноте и тлению,
На перевале хмурых дней
Все длится летоисчисленье
Эпохи тракторных саней.

Снега — как белая бумага,
И вдавлен след — попробуй, скрой.
...Теперь записана Гулагом
Страна с названьем «Северстрой».

Ведь нынешних творцов «историй»
Тот век порывистый не гнул
К земле — и ветер Территорий
Не обжигал до белых скул!

...Тот след — как на бумаге белой
Слова... Попробуй их сотри!
Теперь в словах «умри, но сделай!»
Не «сделай» слышат, а «умри».

И даже в лабуде киношной,
Что «по мотивам», все гундел
О тех словах, не ставших прошлым, —
Не тот, кто на санях сидел.

«Забыть!» — грозятся нам веленья,
Но с каждым годом все слышней
Простое летоисчисленье —
От скрипа тракторных саней.

* * *

Писать — еще трудней, чем жить...
Когда декабрь
в глаза снежит
И век
Смерзается меж век,
Как смерзшее свеченье рек

В сырых ресницах тростника...

Но коль не лжет

твоя строка,

Она душе надежду даст!

...Так плуг отваливает пласт,

И он лежит — тяжелый, влажный...

И, помня пустословья стыд,

Чернеет правдой небумажной

И солнцем, бьющим в срез, блестит.